

Содержание

<i>Слово эксперта</i>	5
<i>От автора</i>	13
<i>Вступление.</i> «Архив №1»: какие тайны хранит подzemелье Верховного суда	15

Часть I

Как на Руси судили ведьм, чародеев и писателей 27 |

Глава 1. Кость великана, медвежья голова: дела о колдовстве и чародействах	29
Глава 2. Лев Толстой: судья и подсудимый	50

Часть II

Революционное «правосудие» 71 |

Глава 1. Дело палача лейтенанта Шмидта	73
Глава 2. Был бы изобретатель, а дело найдется: рассекреченное дело Льва Термена	83
Глава 3. Банда монашек	104

Часть III

Процессы в годы Второй мировой войны 117 |

Глава 1. Как судили в блокадном Ленинграде	119
Глава 2. Уникальное дело об аборте	132
Глава 3. Следствие на клочках бумаги и тряпках	139

Часть IV

Громкие убийства советских граждан 147

Глава 1. Смерть семьи тульских оружейников 149

Глава 2. Чисто питерское убийство 160

Глава 3. Дело Раскина:
лучшая в XX веке речь защиты 179

Глава 4. «Смертник» и его жертва 193

Часть V

Неразгаданные тайны 201

Глава 1. Адский автобус и 42 мертвых пассажира 203

Глава 2. «Второй перевал Дятлова» 219

Глава 3. Теракт на Котляковском кладбище 236

Часть VI

Шум на весь мир 251

Глава 1. Три вердикта для одного поэта:
все судебные решения по делу
Иосифа Бродского 253

Глава 2. Мать террористов:
захват самолета семьей Овечкиных 271

Эпилог 283

Слово эксперта

Эта книга является продолжением цикла работ известного российского журналиста и правозащитника, члена Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, обладателя премии «Золотое перо России» Евы Меркачёвой. Входящие в книгу очерки публиковались на страницах одной из самых популярных сейчас газет — «Московского комсомольца»*. Почти все они посвящены общей проблеме: особенностям назначения и отбывания наказания за тяжкие преступления, например за неоднократно совершенные, вплоть до серийных, убийства. Почему Ева Меркачёва последовательно возвращается к столь необычной для многих теме? Думается, этот специфический «интерес» не объясняется какой-либо одной причиной.

Прежде всего он связан с проблемой смертной казни как уголовного наказания. Постоянный вопрос: является ли оправданным существующий запрет на ее применение к *таким* преступникам? Ответ действительно непросто — вряд ли еще какая-нибудь уголовно-правовая проблема так волнует многих, а не только юристов. Споры вокруг смертной казни идут не одно столетие, и даже священные книги толкуют этот вопрос неоднозначно. Например, Ветхий Завет исповедует принцип

* См. книги Е. Меркачёвой: Преступления и тайны современной России. Расследования и репортажи «Золотого пера России». — М.: Книжный мир, 2017. — 320 с.; Град обреченных. Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 413 с.; Тесак, Фургал и другие. «Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах. — М.: Книжный мир, 2021. — 416 с.; Громкие дела. Преступления и наказания в СССР. — М.: Альпина Паблишер, 2023. — 278 с.; Кому на Руси сидеть хорошо. Как устроены тюрьмы в современной России. — М.: Альпина Паблишер, 2023. — 376 с.; Камерные репортажи и житейские притчи. — М.: Книжный мир, 2023. — 116 с.

«око за око, зуб за зуб», а Новый Завет его отрицает. Статистические данные о количестве убийств, совершенных в России за время действия моратория на смертную казнь, не подтверждают необходимость его отмены. Но Ева Меркачёва приводит и дополнительные, не менее убедительные, чем статистика, доводы против отмены моратория. Во-первых, это вероятность ошибки следствия и суда: «Минимум трое из тех, кого я интервьюировала, на мой взгляд, могут быть невиновны», — говорит она. Во-вторых, исповедуемый автором принцип главенства милосердия. «Прошу вас только об одном <...> помните произнесенную — не мной — притчу: милосердие выше справедливости. Оно есть сама Высшая Справедливость»*. Ева Меркачёва сумела убедить даже российские власти. Министерство юстиции России представило рабочей группе Совета ООН по правам человека доклад о национальных усилиях в правозащитной сфере — принципиальным моментом здесь является тезис: «возвращение смертной казни в России исключено»**. Напомним, что и президент РФ В. В. Путин остается убежденным сторонником моратория на смертную казнь, о чем неоднократно публично высказывался***.

Другой причиной, объясняющей устойчивый интерес автора к теме, является стремление получить ответ на вопрос: до каких пределов *разумны* всевозможные ограничения свободы — именно свободы! — в исправительных учреждениях (колониях, тюрьмах) и следственных изоляторах? В каких случаях подобные ограничения не только допустимы, но и необходимы, а в каких являются лишь неоправданной жестокостью? Важно, что Еве Меркачёвой удалось не только исследовать нынешнее

* Цит. по: Меркачёва Е. М. Град обреченных. С. 8.

** Куликов В. «Возвращение смертной казни в России исключено». Минюст представил масштабный доклад о защите прав человека // Российская газета. 2023. 16 нояб.

*** Терейханова А. Путин обсудил с правозащитниками мобилизацию, СВО, выплаты врачам и нарушения прав человека // Российская газета. 2022. 7 дек.

положение дел, но и немало сделать для его исправления — прежде всего в части соблюдения международных стандартов исполнения наказания в виде лишения свободы. Так, президент РФ назвал явным нарушением прав человека описанную автором книги ситуацию, когда подозреваемых «держат пять лет в СИЗО до суда», и дал поручение прекратить подобную практику*.

Через Совет по развитию гражданского общества и правам человека журналистам и правозащитникам удалось довести до сведения президента ряд наиболее вопиющих случаев — рассказать об участии должностных лиц исправительных учреждений в применении пыток к осужденным; виновные были наказаны, к тому же приняты соответствующие поправки в УК РФ. Например, существовало такое вполне обычное для нынешнего судопроизводства явление, как применение кандалов (ручных и ножных!) к женщинам, вина которых еще не доказана, а также к подозреваемым в ненасильственных преступлениях. Благодаря вмешательству Меркачёвой эта средневековая практика была прекращена президентом РФ: «Что касается того, что кого-то возят на допросы в кандалах, тем более за экономические преступления, — даже не знаю, как это квалифицировать. Обещаю вам, что внимание на это будет не просто обращено, а добьемся того, чтобы подобная практика была прекращена»**. Ну что же, Ева, с победой тебя!

Наконец, еще одно. Автор книги справедливо обращает внимание на то, что, например, к находящимся в СИЗО людям указанные ограничения свободы применяются *до* признания их виновными, притом что некоторые из этих людей впоследствии будут признаны невиновными даже юридически, по приговору суда. То есть вовсе не каждый лишенный свободы в СИЗО — преступник! Не могу не отметить, что благодаря

* Там же.

** Там же.

усилиям Евы Меркачёвой теперь у заключенного, находящегося в строгих условиях изоляции, появляется право на телефонные звонки — соответствующие поправки внесены в действующее законодательство. Так что вновь: браво, Ева!

Нынешняя (седьмая по счету) книга автора отличается от предыдущих ярко выраженным *историческим* аспектом. В ней шесть частей. И первая из них посвящена судебным процессам по обвинению в... колдовстве и соответствующим наказаниям. Что делать — были такие времена не только у нас на Руси, но и в самой что ни на есть *Западной* Европе. Взять хотя бы «Каролину» — известнейшее «Уголовно-судебное уложение Священной Римской империи германской нации» 1532 г., признававшее колдовство преступлением.

Однако в России такие дела встречались аж до 1860-х гг. Одно из них, изученное автором, относится к 1724 г. и имеет (на обложке) название: «Дело по обвинению в колдовстве крестьян князя Федора Алексеевича Голицына Михаила Терентьева, Михаила Иванова и Ирины Федотовой с. Грязновки Епифанского у.». Суть в том, что крестьянку Арину (Ирину) заподозрили в отравлении мужа — Андрея Федотова. Следствие выяснило, что «коренья» (средство отравы) дал ей «для злого дела» крестьянин Михаил Иванов. При этом «велел <...> истолочь их и мужу давать в питье, чтобы его умертвить».

В другом подобном деле «дворовая девка» (крепостная) Настасья Иванова обвинялась в «чародействе» с корыстной целью — «чтобы помещик и помещица сохли и от наговоренной соли (ее) любили».

Читателю наверняка будут интересны и другие истории об обвинениях в различных видах колдовства.

Думается, не менее увлекательными окажутся дела, связанные с великим русским писателем Львом Толстым и посвященные его участию в судебных процессах в качестве мирового судьи и присяжного заседателя. Изучение обнаруженных автором дел показывает, что в тяжбах между помещиками и крестьянами

Толстой обычно принимал сторону последних — неудивительно, что помещики его ненавидели и писали на него доносы. В ряде случаев Толстой выступал в качестве свидетеля, а однажды даже обвинялся в смерти человека. Хорошо, что в дело вмешался опытный прокурор, сумевший доказать невиновность писателя в инкриминированном преступлении.

Ева Меркачёва приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что Лев Толстой часто посещал Тульский окружной суд (в этом здании сейчас областной суд) и был хорошо знаком с его председателем Давыдовым. С ним Толстой многократно встречался не только в Туле, но и в Ясной Поляне. Известно, что, заботясь о максимальной достоверности при изображении судопроизводства, Толстой при создании романа «Воскресение» просил Давыдова написать текст обвинительного акта по делу Катюши Масловой и сформулировать вопросы суда к присяжным заседателям. К тому же в основу сюжета легло реальное уголовное дело (девушку звали Розалия Онни), о котором Толстой узнал от известного судебного деятеля А. Ф. Кони — и даже называл свой роман «конивской повестью».

Имеют ли значение «толстовские» дела для оценки современного нам правосудия? Автор книги задается вопросом: что больше всего поражало Льва Толстого при столкновении со следствием и судом? И отвечает: «Первое и главное — волокита». Он сделал вывод, что и другие люди сидят в острогах в ожидании длительного следствия, а потом начинаются судебные проволочки. А виновные в этом чиновники не несут никакой ответственности. Так что нынешним жрецам и жрицам Фемиды бесполезно будет прислушаться к мнению великого писателя по поводу судопроизводства и к его советам на сей счет. От этого современное правосудие только выиграет.

Здесь, пожалуй, остановлюсь — пусть читатель сам знакомится с другими (да и с названными) архивными уголовными делами. Для затравки назову лишь темы некоторых изложенных в книге правдивых историй.

Например, дело 1939 г. по ложному обвинению известного советского изобретателя Льва Термена — создателя первых в мире телевизионной и автоматической систем, сигнализации и так называемого терменвокса — необычного музыкального инструмента, который был известен даже Ленину. За участие в контрреволюционной организации ученый был осужден на восемь лет лагерей, но впоследствии полностью реабилитирован. А после обращения Е. Меркачёвой в архив ФСБ начался процесс рассекречивания материалов дела.

Весьма своеобразно так называемое дело «банды монашек» — монахинь закрытого Успенского женского монастыря: по итогам расследования 42 «Христовы невесты», включая 80-летних чахоточных старушек, оказались признаны бандформированием. Дело было целиком и полностью сфабриковано — однако несчастных женщин реабилитировали лишь через 85 лет.

Безусловно интересны (не только с исторической стороны) архивные дела о правосудии в блокадном и послеблокадном Ленинграде. Уникальное по-своему дело (дошедшее до Верховного суда РСФСР) нашлось в судебном архиве Ленинграда: дело о незаконном аборте во время блокады.

В заключение замечу, что Е. Меркачёва успешно продолжает популярный еще в дореволюционной России жанр судебных очерков. К нему обращался и «король репортеров» В. Гиляровский. В позднесоветские, а также в перестроечные годы в жанре судебного очерка нередко работали такие яркие журналисты, как Евг. Богат, О. Чайковская, А. Ваксберг. К сожалению, взбесившаяся в начале и середине 1990-х гг. организованная преступность с ее кровавыми разборками, едва ли не постоянно изображаемая в столь любимых зрителями сериалах на ТВ, снизила интерес к судебной проблематике. Меньше стало подобных сюжетов и в журналистике — внесли свою лепту ставшие весьма популярными детективы с «крутыми» героями, во множестве изготавливаемые отечественными Жоржами Сименонами и Агатами Кристи.

И хорошо, что «Московский комсомолец» не просто возродил судебный очерк, но, благодаря работам Е. Меркачёвой, смог достучаться до Читателя, Общества и Власти, вновь и вновь напоминая о злоупотреблениях при исполнении наказания в виде лишения свободы, связанных с нарушением прав человека в пенитенциарных учреждениях, включая следственные изоляторы и тюремные больницы.

А. В. Наумов,

*профессор, доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Национальной премии
по литературе в области права,
член Союза писателей Москвы*

От автора

Эта книга — продолжение «Громких дел». Во время работы в российских архивах (как судебных, так и городских или областных) я обнаружила настоящие сокровища. Причем это уголовные дела не только советской эпохи, но и царской России. Российская судебная система развивалась непросто, но фактически возникла вместе с государством. Суды в том понимании, в котором мы их сегодня себе представляем, появились в Российской империи в начале XVIII в. А уголовные дела, которые рассматривались в те времена, до сих пор целы. Так, в Государственном архиве Тульской области хранятся поистине захватывающие материалы — о расследовании случаев колдовства и чародейства. Самое раннее из дел датировано 1724 г. — некоторые из них никто не брал в руки три столетия. Чтобы расшифровать тексты, пришлось прибегнуть к помощи экспертов по древнерусскому языку. Интересно, что в процессе исследования выяснилось: некоторые из обвинений были простыми доносами — средством расправиться с неугодными (ах, как напоминает то, что потом повторялось не раз!).

Больше всего потрясли десятки дел, в которых судьей был Лев Толстой. Я изучила лишь некоторые из них — это бесценный материал для понимания эпохи и личности писателя. Кстати, сам Толстой едва не попал под каток следствия: однажды был обвинен в убийстве (впрочем, непреднамеренном).

Виктор Гюго говорил: «Для меня не важно, на чьей стороне сила; важно то, на чьей стороне право». Однако в разные времена право представало в разных обличьях. Были периоды, когда в нашей стране судили за то, о чем в другие времена даже говорить казалось дико. В блокадном Ленинграде можно было получить срок за продажу плитки шоколада или за превышение

нормы потребления продуктов на человека. Фемида должна была подстраиваться под реальности, которые не всегда соответствовали принципам гуманности. Однако многим казалось, что таким образом общество стремится выжить.

Дела об убийствах в годы СССР я выбирала исходя из их актуальности сегодня. Ну и, конечно, не могла обойти стороной те, которые, по сути, так и остались нераскрытыми.

Приглашаю читателя вместе со мной прогуляться по судебным архивам и окунуться в атмосферу давнего правосудия — каким бы оно ни казалось с сегодняшней точки зрения.

Выражаю благодарность председателям и пресс-секретарям судов, а также хранителям архивов.

Вступление

«Архив №1»: какие тайны хранит подземелье Верховного суда

Сюда вы не попадете никогда. Это самое таинственное место в Верховном суде РФ. Подземное хранилище, где от чужих глаз спрятаны уникальные вещдоки. Труссы первых советских сексуальных маньяков со следами крови их жертв... Книжки, которые читали серийные убийцы перед тем, как идти на свою страшную охоту... Пряди волос диссидентов... Магнитофонные кассеты с допросами самых искусных жуликов Союза...

Даже сами судьи понятия не имеют о «сокровищах», которые десятилетиями лежат на этих полках. Причем останутся на них навсегда, поскольку дела, которые рассматривал Верховный суд в первой инстанции, хранятся вечно.

Здание Верховного суда РФ уходит под землю на четыре этажа. Между прочим, на минус четвертом даже проходят заседания, куда привозят опасных преступников. Сами они обычно даже не предполагают, что судят их глубоко под землей — почти как в аду. Архив же расположен несколько ближе к свету, на минус втором этаже. В архивохранилище — странный потолок с балками, доходящими до уровня шеи (их сделали позже, когда поняли, что не предусмотрели опору для такой громадины). Стоит чуточку забыть и вовремя не пригнуться на пути к вещдокам — шишка на лбу обеспечена. А вещдоки лежат, аккуратненько разложенные по полочкам. В основном —

в больших бумажных конвертах или подписанных свертках, но есть и без Ф. И. О. владельцев.

Вот, скажем, книжка «Сильнее смерти» в ветхой обложке: работники архива точно знают, что она принадлежала одному из первых серийных маньяков, но какому именно — в материалах дела не сказано.

— Обычно, когда судья выносит решение, там оговаривается и судьба вещдоков, — поясняет работник аппарата хранения

Эта книга была настольной у жестокого убийцы*

Документ подсудимого — такие есть почти в каждом деле

документов Верховного суда РФ Марина Викторовна. — Звучит это примерно так: «Топор изрубить, металл сдать на металлолом, вещи убитой отдать родственникам». Но кое-какие вещи по приговору обязывают хранить при деле. Поэтому мы, вне зависимости от того, что это (хоть кусочек тряпки, хоть ноготь), обязаны их хранить вечно. Уничтожить или передать кому-то можно только по специальному решению комиссии Судебной коллегии Верховного суда.

В Верховном суде всегда рассматривали, скажем так, нерядовые дела, поэтому у каждого вещдока нерядовая история. Подчас — кровавая...

Фотографии, блокноты, сберкнижки, профсоюзные билеты — все это принадле-

* Помещенные в книге фотографии (за исключением специально отмеченных случаев) сделаны автором.

жало крупным советским мошенникам и коррупционерам. Мздоимцев-чиновников в советское время было не меньше, чем в нынешней России, просто широкой огласке их дела не предавали. Дела различных директоров заводов и ресторанов не так интересны. Взятки, превышение служебных полномочий — всё как всегда.

А вот так называемое дело «цеховиков»: Министерство коммунального хозяйства и потребительской кооперации имело цеха, изготавливавшие товары народного потребления, и среди них был Ростовский фотокомбинат. В Верховном суде признаются, что за все время никто материалы дела ни разу не затребовал. То ли не знали о нем, то ли еще что. Открываешь папки с вещдоками — и мурашки по коже, хотя в папках всего лишь открытки. Но зато какие! Те самые, всем нам до боли знакомые, советские. К открыткам ведь тогда было совсем другое отношение: их коллекционировали, берегли. А уж полученная по почте открытка сколько радости доставляла!

Все, кто проходил по уголовному делу, эти самые открытки и делали. Но примерно так: официально — пять открыток, а «налево» — 35. Причем левак был совсем другого качества: даже негативы изготавливались не на пленке, а на серебре. Преступники списывали фотобумагу как бракованную, воровали краски, оформляли фиктивные гонорары...

Это уголовное дело уникально тем, что в нем, по сути, история всего производства открыток в СССР. Среди вещдоков сохранились первые эскизы художников, забракованные варианты. Ну а само дело вызвало такой шум в высших кругах, так возмутило всех, что зампреда Верховного суда РСФСР Анашкин даже написал докладную министру культуры Попову. Цитирую: *«В группу расхитителей входили лаборанты Левин и Белоусов, начальник цеха Нескородеев, завскладом Килович и ряд работников “Союзпечати” разных областей. В результате преступных действий указанной шайки причинен ущерб в сумме 580 тыс. руб.»*. По деньгам 50–60-х гг. прошлого века сумма была астрономической!

Надо сказать, что это одно из первых дел «цеховиков». На других комбинатах по такому же принципу производили одежду и прочие товары народного потребления. Левак на официальных предприятиях делали ночами, в третью смену.

Ну а мошенники... Современным жуликам поучиться у них надо. Взять хотя бы дело коллеги по цеху — корреспондента

Автомобильный номер — неожиданная находка в архиве

Мильмана (часто печатался под псевдонимом Роман Романовский), который, так сказать, использовал писательский дар не по назначению. Дело 1959 г. Журналиста, прошедшего всю войну в качестве корреспондента «Комсомольской правды» (мать писала, что он был также разведчиком), гастролировавшего под эгидой

Росконцерта и читавшего со сцены рассказы, обвинили в шантаже и вымогательстве. Неординарная личность, интереснейший случай!

Романовский-Мильман стал писать серию книг, в том числе «Кто есть кто в Советском Союзе». Якобы принялся за нее с одобрения Калинина. Рассказывал всем, что был на приеме у «всесоюзного старосты», и в доказательство демонстрировал книжку с дарственной надписью Калинина. Кто же такому откажет! Вот и заполняли самые известные в Союзе люди — от министров до артистов — анкеты, которые им приносил Мильман (сам же их и разработал). Плюс в разговоре сообщали ему кое-какие данные личного характера. А он потом их шантажировал. Многие боялись огласки — и потому платили. Пострадавшими по делу проходят летчики, режиссеры, полярники, балерины... В Верховном суде — целый ворох вещей корреспондента (во время обыска сгребли все, что было в его питерской квартире): стенограммы интервью деятелей партии

и государства, заполненные анкеты, фотографии, которые ему давали для книги известнейшие люди страны, черновики... Даже квитанции об уплате партийных взносов прихватили. Мильмана осудили, и он отсидел все 12 лет, а ущерб по искам выплачивал аж до конца 1960-х гг., так и не рассчитавшись до конца.

— Мы не знаем достоверно: вдруг шантажа на самом деле не было и его таким образом просто наказали за что-то, — рассуждают работники. — Хотя, с другой стороны, он никогда не пытался обжаловать решение. И странно, что так и не затребовал из архива свои документы. Может быть, потому, что мать пыталась вернуть весь литературный архив, но получила отказ. А ведь там были в том числе рукописи одной из его последних книг — «Ваш девиз», которая представляет собой ответы 100 выдающихся деятелей Советской Латвии на этот вопрос...

В моих руках — фотоальбом одного из самых известных советских маньяков Васи Кулика. Хроника всей его жизни.

Видно, что родители (папа — профессор-энтомолог, мать — директор школы в Иркутске) заботливо вклеивали каждое фото. Здесь нет снимков младенца сразу после рождения. И слава Богу, ибо Вася был на редкость уродлив. Вот слова его матери: *«Когда я впервые увидела новорожденного, то ужаснулась — он был очень маленький, без ногтей, уши вдавленные, большой живот пульсировал так, что казалось, лопнет... Он появился на свет недоношенным, семимесячным. До полугода его не купали, так как кожа от воды начинала чернеть. Только в шесть месяцев он начал походить на ребенка».* Примерно к этому возрасту относятся первые снимки. Но и на них видно, что ребенок болезненный и измученный. Когда Вася появился на свет, родителям было уже за 40, роды длились неделю — с 10 по 17 января! Кстати, врач, по словам матери, с самого начала отговаривала ее рожать, уверяла, что это будет нечеловек... Такая почти мистическая история.

А вот полуторагодовалый Вася в коляске. На первый взгляд — обычный улыбчивый ребенок, но стоит присмотреться: в нем уже тогда было нечто опасное. И примерно в это время он начал страдать лунатизмом.

Листаю альбом дальше. Тут Вася уже возмужал. На фото он в армейской форме и кажется почти симпатичным. К тому времени он занимался боксом. Стал чемпионом города. И все равно

В вещдоках — фото Васи Кулика, одного из самых жестоких в истории СССР маньяков

от этих его фоток словно холодом веет. Глаза — бездонные, нехорошие, и улыбка развратная. Кулик вообще рано стал интересоваться сексом. Потом в мединституте, где учился, составлял снотворные снадобья, которые подмешивал в спиртное однокурсникам. Приглашал их на природу, опаивал и насиловал. Поскольку те ничего не помнили — в милицию не заявляли.

Следующее фото Кулика — уже после травмы. В 1980 г. хулиганы-подростки ударили его обрезком трубы по голове и ограбили. После этого Кулика перестали интересовать

женщины. Из показаний: *«Вначале я думал только о девочках, потом — и о мальчиках, а также о старушках...»* И он начал убивать. Первой жертвой Васи была девятилетняя девочка. Самой младшей исполнилось два года и семь месяцев. Показания несчастных матерей, которые тоже хранятся в архиве, читать просто невыносимо... Даже буквы, кажется, рыдают.

В архиве Верховного суда лежат пуговицы с одежды жертв Кулика, их волосы... Трудно сейчас сказать, почему их сохра-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru